

Людия МАЗУР-МЕЖВА

© 2004

КОНЦЕПТ „СУДЬБА” В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. Ш. ОКУДЖАВЫ

Настоящая статья является частью исследовательской работы, в которой рассматриваются концепты художественного мира Б.Ш. Окуджавы – «надежда», «судьба», «дорога», «любовь» и их эквиваленты в польских переводах.

Целью данной работы является вскрытие основных признаков концепта *судьба*, принадлежащего поэтическому миру Окуджавы и отражающего мировоззрение поэта.

Термин „концепт” сравнительно новый для терминологического аппарата лингвистики, указывает на слово-понятие, принципиально значимое не только для культуры, но и для языка – как в сфере универсальных, так и в сфере идиоэтнических обобщений (1, с.41). Кроме традиционного определения термина «концепт» в когнитивной лингвистике как «единицы ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» (2, с.90), представляется важным то, как используется этот термин в культурологии, поскольку влияние принимающей культуры на создание текста перевода является достаточно заметным, а в некоторых случаях носит определяющий характер. Ю. С. Степанов подчеркивает, что „Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (3, с.160).

Важно отметить, что исследованию русского концепта «с у д ь б а» посвящены отдельные работы российских и зарубежных исследователей.

Т. В. Радзиевская в статье « Слово *судьба* в современных контекстах» [4, с.64], анализируя сочетаемость слова *судьба* отмечает «традиционное» и «нетрадиционное» функционирование имени [там же, с. 64]. Традиционным, по Радзиевской, является вхождение слова в устойчивые словосочетания, опора на традиционную связь с идеей предопределения. Традиционно употребление слова *судьба* в функции субъекта в сочетании с предикатами (*судьба свела, занесла, привела*), которое создает «мир судьбы как активноразвивающейся силы, творящей новые ситуации» [там же] (*судьба* в роли агенса).

Здесь актуализируются силы «случайности, неожиданности и значительности» события [там же, с.65]. В слове *судьба* актуализируется признак событийности (*смиряться, противиться, верить*). Исследователь рассматривает синонимичные слова – часть включающую сему «паиенс» ситуации и поэтому сочетающуюся с предикатами [там же, с.66] (например, – *Его постигла та же участь*) и существительное *удел*, употребляющееся в основном как предикат (например, – *Это его удел*). Высокая активность слова *судьба*, по словам Радзиевской, обусловлена сближением его со словом *жизнь* [там же, с.68]. Надо сказать, что оба эти понятия (*судьба, жизнь*) входят в предметную область «человек» и это, конечно, обуславливает их сближение.

Более глубокий анализ концепта „судьба” представлен А. Вежицкой. Работы Вежицкой посвящены всестороннему описанию языка и культуры при помощи семантических примитивов (элементарных смыслов), выраженных лексически. Семантические примитивы, по Вежицкой, должны удовлетворять требования самопонятности семантической неразложимости и универсальности [5].

Значение любой языковой единицы, по Вежицкой, может быть представлено как некоторая комбинация семантических примитивов. В статье «Судьба и предопределение» [6] Вежицка раскрывает содержание концептов *судьбы*, принадлежащих разным культурам. Она показывает, что судьба не является универсалией человеческого опыта, поскольку существуют культуры, в которых идея судьбы/ предопределения не совместима с их мировоззрением [6, с.84]. Но концепт *судьба* является ключевым в русской культуре. На это указывает высокая степень частотности слова в русскоязычных текстах: в корпусе Засориной на один миллион словоупотреблений частотность слова *судьба* равна 181, тогда как в корпусе английских текстов того же объема слово *fate* встречается только 33 раза. Отсюда следует, что для русской психологии опыт подчиненности особенно значим. Концепт *судьба*, по словам Вежицкой, имеет гораздо более эмпирический, гораздо более опытный и гораздо более приземленный характер, чем английские *fate* и *destiny* [6, с.89]. Вежицка отмечает тенденцию к драматизму, смирению и подчинению судьбе [6, с.124]. Русскому концепту она дает такое толкование (экспликацию значения):

- судьба
- (a) с людьми случаются разные вещи
  - (b) не потому что они этого хотят
  - (c) человек может думать: со мной случится больше плохого, чем хорошего
  - (d) человек не может думать: это не случится со мной, если я скажу «я этого не хочу»
  - (e) было бы нехорошо сказать „я этого не хочу”
  - (f) мне кажется, я знаю, что с людьми случается, потому что кто-то говорит «я этого не хочу»
  - (g) мне кажется, что этот кто-то может говорить о людях то, что другие не могут сказать
  - (h) я думаю: все хорошее и плохое, что случается с человеком, составляют одно целое.

Компонент (a) указывает на событийность; (b) – на независимый от воли и желания человека самостоятельный характер судьбы; компонент (c) указывает на то, что от судьбы больше ждут плохого, чем хорошего, на ее драматический характер; (d) – на неотвратимость судьбы; (e) отражает непротивление человека судьбе, смирение и покорность; в компоненте (f) содержится понимание судьбы как высшей силы, распоряжающейся людьми; (g) указывает на непредсказуемость судьбы; (h) – о ней можно сказать – “счастливая, легкая”.

Лексически обозначенный концепт находит выражение и в грамматике. А. Вежицка описывает семантическое ядро отрицательных и утвердительных безлично-инфинитивных предложений с помощью экспликаций. Такие безличные дативно-инфинитивные конструкции она называет «конструкциями неизбежности» (напр., *Не гулять ему на воле; Быть бычку на веревочке*) [6, с.142].

Жизнь человека, его судьба зависят от времени, в которое он живет. Вся жизнь, все творчество Б. Окуджава связано с войной. « Война все время со мной, – говорит Окуджава, – попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко» [7, с.6]. На войне определялась его нравственная, гражданская позиция. Оттуда, из пережитого, – те принципы, которые навсегда стали мерилем явлений и людей, их поступков, их человеческой сущности. И. Василина в статье «О войне и жиз-

ни» так сказала об этом: «Тема войны ограничена для мировоззрения Окуджавы – художника. Это зачин его творчества, затем – основа, позже моральный принцип во взгляде на человека и его судьбу» [8, с. 6].

Окуджава отбрасывает все мелочное, сиюминутное, преходящее и обращается к самому важному, вечному, единому для каждого человека. «Этому печально глубокому соотношению бытия и небытия, этому трагически грустному видению начала и конца человеческой жизни научила поэта война, – пишет Василинина [там же, с.159]. Всем своим творчеством Б. Окуджава доказывает сопричастность одной судьбы – многим.

«Грустью и иронией, т. е. моей творческой зрелостью, – говорит поэт, – я обязан, главным образом, войне. Неудивительно, что в моих стихах так часто говорится о войне... На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей многих близких мне людей, но вместе с тем научился великому искусству прощения и понимания (цитируется по [9, с.47]. Уже в этой цитате наблюдается нетрадиционное для носителя русской культуры отношение поэта к судьбе: нет смирения и подчинения жестокой судьбе. Окуджава понял, что хотя человек сам во многом творит свою судьбу, жизнь его все-таки зависит от каких-то объективных обстоятельств.

Сравним со следующими стихами Окуджавы, из которых выводится гештальт **Судьба – Высшая сила** и говорится о неотвратимости решений судьбы. «Судьба» не выходит за рамки представлений о руском концепте представленном А. Вежбицкой:

Что назначено судьбою – обязательно случится:
то ли самое прекрасное в окошко постучится,
то ли самое напрасное в объятья упадет
[Окуджава 1988, 108]

В следующем контексте наблюдаем полную зависимость от воли судьбы лирического «я» поэта, находящегося вдали от родных пейзажей:

Из Вашингтона в назначенный срок
в определенном судьбой экипаже
я отправляюсь (храни меня Бог)
сквозь непонятные эти пейзажи
[Окуджава 1989, 328]

Уже в первом сборнике Лирика (1956) поэт говорит о «*лихой*», «*окаянной*», «*неверной*» судьбе, которая «*завела на распутье*», «*завела на батарею*», которая «*сулила дороги, а встретила тропами*». Здесь происходит персонификация «судьбы», гештальт – **Судьба – Личность**:

Россия, Россия
А сколько повистрадано,
Лихая судьба завела на распутье
[Окуджава 1956, 48]
Завела судьба на батарею
Не рискуя время коротать
[там же, 62]

Или:
Судьба окаянная
Не верна ты...
Сулила дороги
А встретила тропами [там же, 57]

В этих стихах находим традиционное сочетание «судьбы» как субъекта действия с предикатами (*завела, сулила, встретила*) и в то же время здесь нет всепрощения и

всеприятия судьбы, приносящей страдания, дающей надежду (одно из значений глагола «сулить») и обманывающей, а есть право оценки.

Надо сказать, что в строках, приведенных выше, «судьба» связана с дорогой и тем, что входит в ее понятийное поле (*распутье, тропы*). Этот концепт занимает важное место в сознании Б. Окуджавы и требует особого рассмотрения, к нему мы вернемся ниже.

В более поздних стихотворениях персонифицированная судьба имеет *лицо*, ее можно *искусить, оскорбить*:

Не буду я кричать и клясться,

в лицо заглядывать судьбе

[Окуджава 1964, 101]

Он не то чтобы к славе стремился-

просто жил искушая судьбу

[Окуджава 1984, 250]

Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной

и напрасной [там же, 236]

В следующем контексте из второго сборника Б. Окуджавы «Острова» (1959) судьба пророчит смерть. Лирический герой обращается к ближнему, не соглашаясь с таким решением судьбы:

Пусть хоть что судьбою напророчится:

хоть славная смерть, хоть геройская смерть –

умирать все равно, брат, не хочется (1958)

[Окуджава 1959, 24]

В строках:

А как мрак такой нечеткий,

и где-то у избы

поют себе девчонки,

не ждут своей судьбы [там же, 36]

Наблюдается некая «автономность», отделенность, независимость «девчонок» от судьбы. Судьба через песню связана с темой музыки.

В более поздних сборниках отношение Окуджавы к судьбе меняется. В «Веселом барабанщике» (1964) поэт говорит:

Не верю в бога и судьбу.

Молюсь прекрасному и высшему

предназначенью своему

на белый свет меня явившему

[Окуджава 1964, 34]

Эпитеты «судьбы» – «голубая», «долгая», «высокая» и «щедрая»:

Над дорогой Смоленскою как глаза,

две вечерних звезды – голубых моих судьбы

[Окуджава 1984, 81]

Судьба ко мне была щедра:

надежд подбрасывала,

да жизнь по своему текла –

меня не спрашивала.

Я пил из чашки голубой – старался дочиста...

Случайно чашку оборонил-

вдруг август кончился

[Окуджава 1976, 22]

В этом контексте «судьба» и «жизнь» противопоставлены: судьба – щедра, а жизнь не оправдывает надежд.

В следующих строках «судьба» используется поэтом как синоним жизни и поддается измерению по длительности:

Что такое душа -Человечек задумчивый,
всем наукам печальным и горьким обучений
(видно, что-то не так в его долгой судьбе) (1960)
[Окуджава 1990, 280]

Меж высокой судьбой и жильем
мы вросил, словно сосны,
своими корнями
в ту страну, на которой живем [Окуджава 1964, 33]

В этих строках «высокая судьба» (ср. – высокое предназначение) конкретизируется, поэт ставит ее в один ряд с «жильем». Эти строки перекликаются со строками из стихотворения «Дорога»:

Из жактовской лиловой тесноты
текла она, высокая дорога,
с которою мы не были на «ты».
А будни нас кормили калачами,
а женщины корили по ночам,
чтоб мы дороги той не замечали,
не тратили себя по мелочам [Окуджава 1959, 87]

Таким образом, «дорога» имплицитно связана с «судьбой».

В сборнике « Арбат, мой Арбат» (1976) общая судьба объединяет людей. Из следующего контекста выводится гештальт **Судьба – Нить**:

Мы связаны Агнешка давно одной судьбою
в прощанье и прощенье, и в смехе и в слезах
[Окуджава 1976, 96]

В стихотворениях 80 – 90-х годов можно вывести следующие гештальты:

Судьба – Царица например:
Впрочем средь великолепий,
нам дарованных судьбой,
знать и вам не выпал жребий
быть счастливее со мной [Окуджава 1988, 47]

В другой раз Б. Окуджава называет судьбу *Разносчицей даров*:

По прихоти судьбы – разносчицы даров-
в прекрасный день мне откровенья были...
когда в прекрасный день Разносчица даров
вошла в мой тесный двор, бродя дворами... [Окуджава 1984 253]

Следовательно, судьба не сама дарит, а раздает сделанное кем-то свыше. По А. Вежбицкой, русский человек ждет от судьбы чего-то недоброго, он может думать: со мной случится больше плохого, чем хорошего. Поэт ждет от нее больше хорошего, чем плохого.

Судьба – Водный поток:
Зачем же вы пели тот старый романс
Он, словно, судьба расплескался меж нас,

все капля по капле, и так до последнего слова [там же, 122]

Судьба – Игрок:

Несчастливую карточку вынуло
наше время и наша судьба (1989) [Окуджава 1990, 359]

В стихах : «Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня!» - судьба конкретизируется и становится почти осязаемой. Здесь возможна конкретизация гештальта **Судьба – Личность : Личность – Покровитель**. А в следующей строке судьба снова абстрагируется: « *Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня*» [Окуджава 1988, с.108]. Судьба, укрывшая лирического героя от огня, связывается с образом «*трубача*». У Окуджавы находим такие строки о трубаче, воплощающем судьбу:

Но как портрет судьбы – он весь
в оконной раме...
Заезжий музыкант играет на трубе
Что мир весь рядом с ней,
с ее горячей медью
(Судьба, судьбе, судьбы
судьбою, о судьбе)
[Окуджава 1976,38]

Судьбу Окуджава представляет и в образе гармониста в следующем контексте:

Судьба гармошку стиснув, –
единственный почет,
в своих сапожках тесных

течет на пяточок [Окуджава 1959, 36] Рядом с «судьбой» звучит тема музыки.

Вот еще несколько отрывков на эту тему:

Еврей скрипит на скрипочке
о собственной судьбе,
а я тянусь на цыпочки
и плачу о себе [Окуджава 1988, 130]

Жизнь музыкой бравурной объята-
все о том, что судьба пополам,
и о том, что не будет возврата
ни к любви и ни к прочим делам [Окуджава 1989, 303]

Судьба у Б. Окуджавы может выступать также в качестве *Материального предмета* как объекта манипуляций, например:

Как будто шагнул я со сцены
в полночный московский уют,
где старым арбатским ребятам
бесплатно судьбу раздают [Окуджава 1988, 125]
Значит ею кто-то обладает.
... Играют
безвестные комедианты,
за грош продавая судьбу и талант,
сами судьи
и сами себе музыканты [Окуджава 1976, 46]

Составными частями «судьбы» могут быть метафорические «нити», тогда гештальтом будет **Судьба – Полотно**:

Были дали голубы,

было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке [Окуджава 1984, 236]

И если при выдергивании ниток можно создать рисунок на полотне для вышивания, то человек является автором судьбы, что еще раз говорит о несовпадении «судьбы» у Окуджава и традиционного русского концепта. Вполне вероятно, что Окуджава находился под влиянием текстов своей эпохи, основывающихся на активной жизненной позиции, выраженной в пословице «*Человек сам кузнец своего счастья*».

В стихотворении об арбатском дворе (1982) поэт возносит себя над судьбою:

Я – дворянин с арбатского двора,
своим двором введенный во дворянство...
Когда его станет – я умру,
пока он есть – я властен над судьбою [там же, 263]

Если поэт, пока живет, *властен над судьбою*, то конец судьбы совпадает с концом жизни:

Но судеб финалы всегда роковые,
и соперницы чуду под стать [Окуджава 1988, 115]

В этом же сборнике Окуджава употребляет метафорическое сочетание «*коридоры судьбы*», из которого можно вывести гештальт **Судьба – Помещение**:

Благородные жены поэтов безумных
как же мечетесь вы, семена
в коридорах судьбы, бестолковых и шумных,
в ожидании лучшего дня [там же]

Из сочетания «*палуба судьбы*» в стихотворении «Последний пират» получаем гештальт **Судьба – Корабль**:

...И как ординарец шучу,
что прокляли б мы наш исхоженный шар
и сами бы сдохли с тоски,..
когда б не качался под нами перрон,
как палуба нашей судьбы [Окуджава 1989, 102]

Метафоры «коридоры судьбы» и «палуба судьбы» связывают «судьбу» с концептом «движения». Гештальт **Судьба – Помещение** позволяет взглянуть на блуждающего по коридорам человека как стремящегося обследовать «помещение», найти в нелегком лабиринте свое место – свою «дверь». «Палуба судьбы» представляет «движение по судьбе» как движение в зыбщемся водном пространстве. *Судьба* – это движение по сложному и зыбкому пути. В строках:

У поэтов соперников нету
ни на улице и ни в судьбе [Окуджава 1956, 12]

«судьба» имплицитно связана с дорогой через слово «улица», обозначающее «пространство между двумя рядами домов», улица является частью дороги [10].

В поздних стихотворениях Окуджава, судьба достойна того, чтобы ее прославляли и гордились ею:

Пока живут на свете хвастуны –
мы прославлять судьбу свою должны
[Окуджава 1990, 352]

Гордись, пушкарь, своей судьбою –
глашатай света и свободы
[Окуджава 1988, 120]

Анализ концепта «судьба» в поэтических текстах Б.Ш.Окуджавы говорит о нетрадиционном отношении поэта к судьбе, о несоответствии его русскому концепту:

нет подчинения, смирения лирического героя судьбе. Мы попытались проникнуть в глубь мировоззрения Б. Ш. Окуджавы и на основании данных исследований мы можем выявить следующие гештальты из сочетаемости имени «судьба»:

Высшая сила, что соответствует традиционному представлению о судьбе как активно действующей силе, независимой от воли и желания человека.

Личность, в этом случае судьба как субъект действия сочетается с предикатами. Царица.

Разносчица даров соответствует компоненту экспликации концепта русской судьбы. Третий и четвертый гештальты соответствуют представлениям о «щедрой» судьбе.

Нить и Игрок традиционные «маски» судьбы.

Водный поток, Помещение, Корабль связываются с концептом «движения», это движение по сложному и зыбкому пути.

Трубац и Гармонист связывают концепт с «музыкой».

Материальный предмет может быть объектом манипуляций.

ЛИТЕРАТУРА :

- Новикова Н.С., Черемсина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира //Филологические науки, 2000/1.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Под ред. Кубряковой Е. С. -М.: Изд-во филологического факультета МГУ.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М.: Школа « Языки русской культуры».
- Радзиевская Т.В. Слово «судьба» в современных контекстах//Логический анализ языка. Культурные концепты. -М., 1991, - с. 64 – 72.
- Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999.
- Вежбицка А. Судьба и предопределение// Путь Международный философский журнал, 1994, Но 5 , - с. 82 –151.
- Окуджава Б. « На любовь свое сердце настраю...» Литературная газета, 1984, 25 апреля, -с. 6.
- Василинина И. О. «О войне и о жизни» // Театр, 1985. Но 5, - с. 15 – 162.
- Окуджава Б. « Терпение и вера любовь и волшебство...» // Литературная газета, 1990, Но 18,- с. 3.
- Словарь русского языка : В 4 –х томах. -М., 1981 – 1984.

СБОРНИКИ СТИХОВ И ПЕСЕН Б. ОКУДЖАВЫ :

- Высоцкий В., Галич А., Окуджава Б. Я выбираю свободу. – М., 1990.
- Окуджава Б.Ш. Арбат, мой Арбат. Стихи и песни. – М., 1976.
- Окуджава Б. Ш. Веселый барабанщик. – М., 1964.
- Окуджава Б. Ш. Избранное. Стихотворения. – М., 1989.
- Окуджава Б. Ш. Лирика. – Калуга, 1956.
- Окуджава Б. Ш. Острова. Лирика. – М., 1959.
- Окуджава Б. Ш. Посвящается вам. Стихи. – М., 1988.
- Окуджава Б. Ш. Стихотворения. – М., 1984.